

Арон Родович

БАШНЯ БОГОВ

ИСПЫТАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

18+

Арон Родович Башня Богов: испытание человечества

<https://litres.ru/74126752>

SelfPub; 2026

Аннотация

Подмосковный Чехов. Хмурое утро. Для Евгения, бывшего спортсмена, а ныне – курьера с травмой и редкой болезнью, это просто ещё один день в борьбе за существование. Но реальность дала трещину. В городе появилась Башня богов, и Евгений стал одним из первых избранных ею игроков.

Здесь его физиология – не приговор, а уникальная особенность. Каждый бой, каждый рывок, каждая нагрузка делают его сильнее. Но Башня – не благодетель. Это ловушка, полная монстров, тайн и таких же отчаявшихся, как он. Первое задание – лишь начало долгого пути наверх, к вершине, где, возможно, скрывается ответ на главный вопрос – зачем всё это?

Но какую цену придётся заплатить за него?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Арон Родович

Башня Богов:

испытание человечества

Глава 1

Синяя листва колыхалась надо мной, нависая плотной шапкой, и я понял, что несколько секунд просто смотрю на неё, всё пытаясь вспомнить, каким этот лес должен быть на самом деле. По форме он оставался привычным, тем же сочетанием стволов, веток и крон. Лишь цвета цвета кто-то перекрутил так, что глаза мои всё время цеплялись, не находя привычной опоры. Сквозь крону проглядывало лиловое небо, по которому тянулись редкие белые клочья облаков, отмеченные мной машинально так, как отмечают детали, когда вокруг слишком много странного.

Сильнее всего резали взгляд стволы. Красные, с гладкими тёмными прожилками, они бросались в глаза каждый раз, когда я отвлекался от мысли о том, насколько неестественным был их цвет.

И на этом фоне кровь смотрелась почти уместно.

Сначала я даже не сразу замечал её, посчитав чем-то естественным для этого неестественного и чуждого пейзажа. А

она просто была там. Впитанная в кору и размазанная по ней, подсохшая тонкими бурыми дорожками, которые повторяли изгибы прожилок и местами расплзались пятнами. Была.

Я проводил взглядом по этим следам и совершенно беспомощно пытался понять, где кончается древесный рисунок и начинается кровь. Но стоило лишь перевести глаза на траву, и всё становилось гораздо проще. На синем фоне кровь сразу выделялась.

Я шагнул дальше, ощутив, как трава под подошвой пружинит и сминается как обычно, и от этого стало ещё неудобнее. Я смотрел вниз и видел следы драки, потому что они читались в самой земле. Чуть впереди клочок травы вырвали с корнем, рядом торчали комки сырой земли. Левее она была прибита к почве так, что мне не хотелось задерживать взгляд, думая о том, что тут произошло. Между кочками тянулись рваные полосы, будто кого-то тащили на боку, и там синь уходила в грязный фиолет, где кровь успела перемешаться с влажной землёй.

Я наступил на этот липкий слой и ощутил, как подошва скользит по гладкой поверхности, как нога уходит на долю сантиметра. Чуть дёрнувшись, поймал баланс и застыл напряжённее, чем нужно, осторожно прислушиваясь то ли к собственному дыханию, звучавшему на фоне полной тишины особенно громко, то ли к потоку мыслей, который так и не успел обрести форму.

«Тут была бойня...» — я разглядывал стволы, по которым

на высоте пояса и выше тянулись царапины и вмятины, которая местами была содрана до влажного слоя, а рядом валялись обломанные ветки, ещё не успевшие высохнуть. На синей траве темнели пятна и брызги, они ложились неровно и уходили в стороны, как следы рывков и разворотов.

Тела. Они лежали по всей поляне так, словно в момент кульминации случился удар, и живые фигуры, ещё секунду назад стоявшие на ногах, разлетелись в стороны, как щепки.

У них были человеческие черты, но людьми они при этом точно не являлись. Чтобы понять это, мне пришлось подойти чуть ближе, и мне стало видно, что руки у мертвецов длиннее, чем должны быть, а суставы устроены иначе, да и кожа имеет странный оттенок и фактуру.

Один из них уткнулся лицом в траву, и его ладонь, выброшенная вперёд, как крюк, уцепилась за мягкий грунт, будто он в последнем движении пытался удержать себя на месте. Другой распластался на спине и смотрел пустыми, уже неживыми глазами в синюю крону, а под затылком темнел расплывшийся след, который впитался в траву и расползся по её волокнам. Ещё несколько тел в причудливых, перепачканных кровью, одеждах — неестественными, деформированными позами довершали этот жуткий пейзаж.

Вся их группа полегла тут.

«Чёрт, да нахрена ж я вообще во всё это полез?» — мелькнула в голове закономерная мысль, но, казалось, что поздно было задавать этот вопрос. Да и ответить на него не мог ни

я, ни кто-то из тех, кто лежал на этой поляне.

Ответа на эту мысль действительно не требовалось. Она продолжала крутиться, как заезженная пластинка.

Слева между деревьев что-то шевельнулось. Я поймал это движение краем глаза раньше, чем успел осознать, после чего резко повернулся. Взгляд мой поднялся, а плечи напряглись так, чтобы встретить опасность прямо, не дав ей ни лишней секунды, ни лишнего шага. Навстречу мне шёл один из таких же, и то, как он двигался, было достаточно человеческим. Достаточно, чтобы вызвать сомнение, которое в данную секунду было равно ошибке.

Я видел их кровь. Она была красная, как и моя, хоть кожа их отличалась разными оттенками.

Не успев решить, свой он или чужой, потому что они ещё не запомнил того, какой из оттенков не считывался как «враг», я замешкался. Они были то чуть серее, то зеленее, а в момент, когда приходится защищаться или нападать, оттенки сгорали в одно слово, и оно звучит просто — «опасность».

После этого слова, всё сводилось лишь к ставшей родной паре вариантов — «Бей. Беги».

Но я уже набегался вдоволь.

Стоп.

Хватит.

Чувствуя, как тело само выбирает линию, как ноги принимают стойку, как плечи собираются в одну задачу, и как

дыхание становится короче, чтобы не тратить его на лишнее, я решил бить.

Только враг оказался не один. Второй показался через пару секунд, держась чуть дальше, и на нём красовалась подобранная с чужого плеча «броня», собранная без понимания, что к чему. Пластины торчали вразнобой, ремни перетягивали грязную ткань там, где им вздумалось, а металлические края стучали друг о друга при каждом шаге, выдавая его раньше, чем я успевал повернуть голову.

За ним вышел и третий. На нём была куртка вполне современного вида, такая, какую я видел у людей в моём городе, но видеть её на представителе этого чужого вида, было почти невыносимо.

Руками, уже привыкшими к боевым кинжалам, я приготовился к «танцу». Один клинок оставил ниже, ближе к бедру, второй вынес вперёд, чтобы перекрыть линию вероятной атаки.

Дистанция между нами сокращалась. Они не побежали, хоть количество было на их стороне, приближаясь почти вальяжно, отчего мозг мой, на мгновение, снова подбросил сомнение и заставил подумать о том, что они могли и не быть врагами.

Рывок.

Первый ускорился, и я, откинув колебания, двинулся ему навстречу, удерживая остальных на краю зрения, чтобы не дать им меня обойти. Мышцы включились сами, без внут-

ренных команд, и лишние мысли стёрлись, отдав управление инстинктам.

Он пёр прямо на меня, не пытаясь сыграть хитрее. Длинные руки взвились, словно он собирался обхватить меня и порвать на части. Он прыгнул. Я не попятился. Отступить было бы проще, дать ему потерять равновесие и самому врезаться в неровности, но я выбрал другое. Сместился в сторону, пропуская его мимо.

Левая рука поймала нужную траекторию, зацепила остриём, инерция повернула корпус, а правая пошла вверх. Лезвие нашло горло там, где кожа была тоньше, и я ощутил короткое сопротивление, которое сразу исчезло. Тёплая кровь хлынула на кулак с зажатым оружием, брызнула на красный ствол рядом и потекла по коре, пересекая тёмные прожилки.

Он всё равно попытался удержаться и продолжить атаку, но тело дёрнулось, руки пошли вслепую. Я не стал ждать, пока он рухнет сам, шагнул ближе, толкнул плечом, окончательно выводя его из равновесия, и, когда он начал заваливаться, я вскочил на него.

Когда он завалился, я оттолкнулся, используя его как трамплин, и прыгнул.

«Двое. Осталось двое. А если там, за деревьями, есть ещё?»

Думать было некогда. Я видел второго, видел, как в его глазах отражается падающее тело первого. Он сразу всё понял и не дрогнул. Поза изменилась: ноги чуть согнулись,

длинные руки поднялись. Он готовился ударить.

Я летел к нему. Воздух хлестнул по лицу, кровь на пальцах подсыхала и тянула кожу, рукояти норовили выскользнуть, и я сжал их крепче. Дистанция таяла. На его коже опять мелькнул этот странный отлив, серый или зелёный, и я снова не смог ухватить точный цвет. Меня это раздражало, но времени разбираться не было.

Синяя трава поднималась навстречу, готовая принять ноги сразу после приземления. В ушах свистело от неестественной скорости, лезвия отзывались тонким дрожанием в ладонях. Враг застыл, ожидая меня, и по ощущениям всё вокруг растянулось.

Всё перестало быть значимым.

Остался только он, его длинные руки и моя скорость, которая была моим преимуществом. Её должно было хватить.

Я натягивал на себя жёлтый костюм доставки, словно он был чужой шкурой, которую придётся таскать до самого вечера. Потёртая сумка в чёрно-белую клетку с номерком, повадавшая слишком много подъездов, стояла у стены. Я поднял её, прошёлся пальцами по молнии, проверил ремни и карманы, потом задержал взгляд на боках, протёртых почти до дыр.

«Пора менять. Ещё немного, и с этим хламом меня просто не выпустят на линию.»

У сервиса правила были простые, ему плевать на износ и

на то, что срок службы по договору давно должен был кончиться. Перед клиентами я обязан был выглядеть так, будто форму выдали сегодня, а не два года назад, иначе влетит штраф, но, естественно, всё исключительно за свой счёт.

Но мне столько не платили.

Я потянулся за чашкой с чаем, на дне оставался один терпкий глоток. Движение элементарное, и всё же я умудрился его испортить. Дёрнулся привычно резко. Нога в самый тупой момент проскользнула по полу, рука задела чашку, та качнулась, чай плеснул на тумбочку и на пол, а я позорно растянулся в прихожей, ещё и пребольно приложившись локтем о край.

Ругаясь, я поднялся, задержавшись на зеркале, отражавшем тело, которое уже не тянуло таких резких движений.

Напоминал себе об этом каждый день утром, словно пытаясь убедить себя, а также после каждой такой осечки.

— Ты инвалид, понял? — зло прошипел я собственному отражению, указывавшему на меня пальцем. Лицо его, хоть ещё молодое и вполне себе семь из десяти, было искажено гримасой усталой злости и отвращения.

Вот тебе и бывший спортсмен.

Я выдохнул сквозь зубы и сказал вслух, тихо, чтобы злость не разлетелась по комнате.

— Мать твою, блин.

Сел, натянул кроссовки и с досады затянул шнурки сильнее, чем надо. Когда-то с этой ноги я мог крутить флип впе-

рёд и назад, и тело слушалось охотно. Тогда тело моё не требовало постоянных напоминаний и контроля, оно само держало равновесие. Сейчас я думал об этом всегда, даже когда пытался сделать вид, что всё осталось прежним.

Я оглянулся на комнату. Пустые бутылки у стены не пытались прятаться подальше от глаз, им было всё равно, во что я превратился. Мелькнула мысль, что надо бы убраться, и тут же ушла в сторону.

«Я здесь почти не живу, я только ночую.» — Заготовка, заплатка, мой Flex Tape, которым я заклеивал брешь в оброне, когда мысль о том, чтобы привести свою берлогу в порядок, начинала проистекать. Работа курьером съедала время целиком, а на обычную, с графиком и нормами, меня не брали. Я понимал почему и не хотел проговаривать это вслух, потому также смахивал ненужные мысли в ящик.

Я натянул жёлтый плащ, закинул сумку на плечо и вышел. В подъезде всё было обычным. Ступени — пыльные, воздух — затхлый, двери — обшарпанные, окна — я в них не смотрел, чтобы не думать о природе происхождения оранжевых разводов на них. Во дворе сидела бабушка из соседнего подъезда.

Она приветливо кивнула.

— Здравствуйте, Евгений.

— Доброе утро. Как ваше здоровье, Екатерина Павловна?

— Ой да какое здоровье в мои-то годы, — добродушно отмахнулась старушка. — На смену?

— Угу, — коротко сказал я и уже продолжал идти.

— Ну беги, беги, — ободряюще бросила она мне вслед и вздохнула, когда я оказался спиной. — Эх молодёжь.

Я вышел со двора на привычный маршрут, тот самый, что каждый день ведёт с окраины к центру. По ощущениям город нарочито построил эту лестницу, чтобы напоминать, где чьё место. Остановка была рядом, только это «рядом» для меня измерялось одним, успею ли я на нужный автобус.

Он показался вовремя, как назло, в отличие от меня. Я увидел его и ничего не успел подумать. Тело сработало раньше.

Я сорвался с места. Первые шаги вышли почти правильными, и на миг мозг успел поверить, что я всё ещё тот парень, который может одним рывком вынести себя вперёд. Через секунду в ритм врезалась хромота, которую я старательно отрицал, когда внезапно начинал верить в себя. Темп сломался, движение стало рваным, и ноги едва снова меня не подвели, потому что я попытался бежать по старой схеме, а тело давно жило иначе.

Я всё равно продолжил, матерясь про себя и стараясь не устраивать цирк.

«Идиот. Сам виноват.» — ругал себя каждый раз за свои понты и упрямство, за своё привычное «да нормально».

Автобус, конечно, ждать не стал. Двери закрылись, и он поехал дальше, как и положено автобусу, которому было плевать на чужие трагедии. Я замедлился, остановился и

несколько секунд смотрел ему вслед, пока он не скрылся за поворотом.

Дальше в голове включилась бухгалтерия выживания.

«Сейчас будет маршрутка. Если я опоздаю на неё, я выйду на линию позже. Поздний выход значит меньше заказов. Меньше заказов значит меньше чаевых. А у нас за такое ещё и штрафы. Минус десять процентов от чаевых на весь день.»

— Пу-пу-пу — Я выдохнул, крепче сжал ремень сумки и попытался успокоить дыхание. Вокруг мелькали обычные люди. Дядька говорил по телефону, девушка с пакетом, коротко взглянувшая в мою сторону, отец вёл ребёнка в начальную школу. Все куда-то спешили, и никто не знал, что я только что проиграл что-то важное. И это было правильно. Для них я просто парень, который не успел на автобус, один из многих.

Для меня это было другое.

В такие моменты память была особенно язвительной. Стоило остановиться и замереть, и она тут же подсовывала картинку, где я был совсем другим

Мне семь. Стадион давил размером, и я стоял у дорожек, где в нос била резина и холодил металл ограждений, так что дыхание на мгновение цеплялось за горло. Рядом были ребята старше — видно было по плечам, по шагу, по тому, как они держали спину и уже умели стоять так, будто им здесь самое место. Я — новичок, бывший среди них самый мел-

кий и костлявый. Хотя мне и было как-то стрёмно, но тренер сказал, что ноги у меня «ого-го».

Тренер не раздавал лишних улыбок и ободрений, кивнул и одним движением дал знак. Я вышел на старт, и в голове тогда не было никаких картинок будущих побед, блеска медалей, чужих слов поздравлений — ничего такого. Лишь линия под ногами, и простое желание добежать первым.

Выстрел.

Я сорвался и полетел вперёд. Дыхание держалось, ноги не ныли и не просили остановиться, они тянули дальше. Я нагнал старших, прошёл одного, другого, потом ещё одного, вырвался вперёд. Финишная черта подлетела, я пересёк её первым. Тот, кто шёл за мной, выругался от досады, кто-то на трибуне засмеялся, а один из соперников смотрел на меня так, словно в порядке мира появилась трещина.

Потом мне дали ещё дистанцию, и ещё одну. Я работал ногами сильнее, чем надо, восстанавливался быстрее, и уставал меньше, чем должен был. Сначала это выглядело удачей, потом талантом, а дальше начались проверки, о которых взрослые говорили деловым голосом, а я не понимал их. Врачи смотрели на цифры без радости, пересчитывали, задавали вопросы, снова и снова проверяли, и с каждым кругом в их голосах оставалось всё меньше живых реакций, но больше пластиковых улыбок и напускной вежливости.

Мне объяснили, что это была болезнь, редкая и странная, почти единичная. Мышцы развивались быстрее нормы, и по-

этому я мог то, что другим давалось тяжело или вовсе не давалось.

У этой скорости была обратная сторона.

Мне требовалось двигаться постоянно. Не «надо бы», а так, что без этого нельзя было. Если я останавливался, всё откатывалось назад быстрее, чем у обычного человека, и это уже не походило на потерю формы. Начиналась быстрая атрофия, распад, словно организм умел быстро строить, но не умел сохранять.

Я слышал лишние для детского уха слова про суставы, деформации и риски, про режим и нагрузку, и, наконец, понял: движение требовалось мне не ради побед, оно было нужно, чтобы уже завтра не превратиться в развалину. Выходил странный дар. Мне давали скорость, силу и выносливость, а плату назначали простую и страшную.

Остановка становилась наказанием.

Воспоминание оборвалось резко.

Я снова стоял на остановке, и маршрутки всё ещё не было. Я посмотрел на дорогу и вздохнул с раздражением. Мне не требовались ни жалость, ни чёртовы слова поддержки, мне нужно было, чтобы она приехала вовремя.

Глава 2

Маршрутка подошла через пару минут, хотя утро уже успело так основательно испортить мне день, что спасать там было, по сути, нечего. Впереди маячил период, похожий на длинную, бесцветную тянучку, подобную серому подмёрзшему асфальту под мокрым снегом. Несмотря на то, что было лето, в моей жизни наледь держалась круглогодично. И я шёл по такому асфальту, думая лишь о том, чтобы не поскользнуться и не упасть ещё раз, отбив себе пятую точку окончательно и бесповоротно, а не о прекрасном будущем, караулившем где-то за поворотом.

Поднявшись в салон, сразу протянул деньги, и водитель, узнавший меня, заулыбался и принял мятую купюру с пригоршней монет. Я часто попадал на него, отчего стал «своим парнем» для водилы, который даже имени моего не знал, но запомнил с первой встречи из-за моей привычки оплачивать проезд сразу.

— О, ты, — бросил он. — Как дела?

— Я, — ответил я, не вдаваясь в подробности, сделав вид, что не услышал вопрос.

Он взял купюры, коротко кивнул, и я протиснулся внутрь, скинув с плеча курьерскую сумку, которую, извиняясь направо и налево, пришлось пропихнуть в проём, потеснив ноги тем, кто сидел в переднем ряду. Вообще, люди с понима-

нием относились, ведь сами всё время пользовались услугами доставки, но пару недовольных взглядов я уловил, сбросив их незаметным движением плеч.

— Простите, — негромко сказал я в пространство, пряча глаза.

Сидящий впереди мужчина средних лет, нехотя, словно делая одолжение, сдвинул ногу так, чтобы сумка влезла ровно настолько, дав двери закрыться.

После хлопка двери, по салону пошла вибрация, и мы, чуть качнувшись, поехали.

Свободных мест, естественно, не оказалось, и, ухватившись за поручень, я встал так, чтобы не цеплять макушкой лампу на потолке микроавтобуса.

Внезапно, колесо поймало колдобину, и меня качнуло вправо так, что пришлось напрячь руку, державшуюся за поручень и ногу так, чтобы вернуть телу баланс. Колено сразу напомнило о себе неприятным ощущением, которое было далеко от границы владений боли, но я знал — это было предвестием. Граница никогда не обозначалась просто так, для виду.

— Отлично. Замечательно, твою мать, — прошептал я, пытаясь вспомнить о том, были ли у меня ещё болеутоляющие, которые позволяли унять то тянущее нытьё в суставе, которое ожидало меня вечером, после смены.

Пара таблеток в измятом блистере должна была остаться. А может и нет.

Когда мне было восемнадцать, я уже был в олимпийской сборной. Со стороны это могло показаться победой, но в реальности это был режим. Жёсткий и тяжёлый режим, при котором тебе выдавали самое основное, а дальше приходилось цепляться самому. Режим был во всём.

Когда сверстники шли тусоваться, я шёл на тренировку.

Когда сверстники бегали за девчонками — я бегал за стрелкой секундомера, пытаюсь её перегнать.

Когда сверстники отправлялись в клуб, я возвращался домой со стадиона в своей форме с пятью разноцветными кольцами, иногда довольный, иногда расстроенный. Всё зависело от того, что мне говорил тренер.

Зато форма была хорошая, качественная, но очень тяжёлая для пацана, успевавшего пробежать спринт за отведённый минимум, но не успевавшего жить ту самую пацаньячую жизнь, за которой приходилось наблюдать со зрительского места.

Помимо бега, из-за моей особенности, приходилось двигаться ещё больше. Диагноз, оставленный мне в медкарте, требовал больше и больше.

Отец нашёл выход — сперва различные детские секции боевых искусств, а потом я сам как-то втянулся. Тхэквондо и муай-тай мне нравились. Когда тренер говорил мне всякое, если я не укладывался в его ожидания, я шёл в зал и колошматил там грушу от души, чтобы не загоняться. Бой позво-

лял мне сбрасывать напряжение и зависть, расстройство от слов тренера и постоянно грустных взглядов матери, которая старательно прятала их за улыбкой, но я видел.

Друзей у меня не было, ведь я не мог уделять им достаточно внимания, как и врагов, ведь на них тоже не было времени. С участниками сборной команды тоже не получалось — постоянное соперничество было плохим удобрением для дружбы. А вот груша в зале была своей, ведь она не ныла и не жаловалась. Она будто бы говорила: «Давай ещё! Вот так, молодец!», когда я проводил серию ударов, хлёстким эхом разносившихся по залу.

Тем не менее, я всё ещё был пацаном и не мог избежать простых и понятных каждому желаний, которые хоть как-то приземляли меня на общий уровень, делали обычным.

Мне хотелось кроссовки, которые только вышли, и телефон, который не было стыдно достать в аудитории или раздевалке, хотелось перестать считать мелочь на проезд, хотелось, в конце-концов, снять себе жильё, чтобы жить отдельно. Хотелось самостоятельности и свободы хоть в чём-то.

Однажды тренер по капоэйро (да, им я тоже занимался пару раз в неделю), который всё время наблюдал за тем, как я двигался, схватывая всё на лету, попросил остаться после занятия. Мы немного поговорили за жизнь, а потом он внезапно предложил подзаработать на подпольных боях, и я согласился.

Я обещал подумать. И я думал об этом. Двадцатка за бой

тогда показалась мне джекпотом, который буквально сам лез в карман.

Пару вечеров я представлял себе то, как могла бы измениться моя жизнь, окажись у меня такая работа.

На третий день я сам подошёл к нему.

— Давай сегодня, — сказал он. — Вечером нормальный движ будет.

По спине тогда пробежал холодок, но я согласился, и уже вечером тренер привёл меня в старый спорткомплекс на окраине города. Парадные двери уже были закрыты, внутри горел дежурный свет, и здание казалось пустым, хотя где-то в глубине работала вентиляция, и в коридорах оставались включённые лампы.

Мы прошли через служебный вход, который нам открыли изнутри, после короткого звонка и поднялись на этаж выше вслед за молчаливым охранником, у которого даже уши казались накаченными. В самом зале оказалось просторно и гулко. Лампы горели лишь над самым импровизированным рингом, выложенным из матов, отчего тот выглядел островком света, вырванным из полумрака.

Вокруг него стояли люди, немного, тесным молчаливым полукругом собравшиеся на границе света и тени. Лица их я не разглядывал, да и не было в них ничего интересного. Интереснее было подавить внутреннюю дрожь, которая начинала ощущаться.

Мне надо было победить.

Мы прошли мимо столика с водой и аптечкой. За спиной остался человек, следивший за выходом.

Тренер провёл меня вдоль стены и показал на лавку. Я снял кроссовки и носки, сразу надев фиксаторы голеностопа, которые взял с собой и прошёл в небольшую кабинку, которые, видимо, использовали для голосований на выборах, чтобы переодеться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.